

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Е. Чарушин



ТЮПА,

**И ТОМКА
СОРОКА**



Scan: Ershov V. G., 26.10.2005



Ershov

Е. Чарушин

ТЮПА, ТОМКА И СОРОКА

РИСУНКИ
АВТОРА



«КНИГИ «ИСКАТЕЛЯ»



ПОЧЕМУ ТЮПУ ПРОЗВАЛИ ТЮПОЙ

Когда Тюпа очень удивится или увидит непонятное и интересное, он двигает губами и тюпает: «Тюп-тюп-тюп-тюп...»

Травка шевельнулась от ветра, пичужка пролетела, бабочка вспорхнула, — Тюпа ползёт, подкрадывается поближе и тюпает: «Тюп-тюп-тюп-тюп... Схвачу! Словлю! Поймаю! Поиграю!»

Вот почему Тюпу прозвали Тюпой.

Слышит Тюпа, кто-то тоненько посвистывает.

Видит: в крыжовнике, где погуще, кормятся серенькие вертлявые пичужки — пенки, ищут, нет ли где мошки-букашки.



Ползёт Тюпа. Уж так таится, прячется. Даже не тюпает — боится спугнуть. Близко-близко подполз да как прыгнет — прыг! Как схватит... Да не схватил.

Не дорос ещё Тюпа птицу ловить.

Тюпа — ловкач неуклюжий.





ТЮПА МАЛЕНЬКИЙ

Тюпу пбили. Это Непунька, Тюпкина мамка, его отшлёпала. Сейчас ей не до него.

Непунька ждёт-пождёт, скоро ли у неё будут другие, новые маленькие сосунки.

Она и местечко приглядела — корзинку. Там она будет их кормить, песни петь.

Тюпа теперь её боится. И близко не подходит. Никому неохота получить шлепка.

У кошки обычай: маленького кормит, а взрослого гонит. Но у Непуньки-кошки новых сосунков отобрали.

Непунька ходит, котят ищет, зовёт. Молока у Непуньки много, а кормить некого.

Искала она их, искала и как-то невзначай увидела Тюпку. Он от неё в это время прятался, боялся трёпки.

И тут Непунька решила, что Тюпа — это не Тюпа, а её новый маленький сосунок, который потерялся.

И обрадовалась Непунька, и мурлычет, и зовёт маленького, и хочет покормить, приласкать.

А Тюпа — учёный, он близко не подходит.

Его ещё вчера так приласкали — до сих пор помнит!

А Непунька поёт:

«Иди, покормлю», — легла на бочок.

Молочко у Непуньки тёплое. Вкусное! Тюпа облизнулся. Он давно сам научился есть, а помнит.

Уговорила Непунька Тюпу.

Насосался он молочка — заснул.

И тут начались другие чудеса.

Ведь Тюпа взрослый. А для Непуньки он маленький.

Она перевернула Тюпку и моет его, вылизывает.

Тюпка проснулся, удивился: зачем это, для чего это? Он сам может.

Хотел уйти. А Непунька уговаривает: «Лежи, ты маленький, запнёшься, потеряешься»... .

Песни пела-пела и сама заснула.

Тут Тюпа выбрался из корзинки и занялся разными своими делами. То да сё.

Бабочек пошёл ловить. К воробью подкрадывается.





Проснулась Непунька. Ах, где же её Тюпонька?
Выбежала на двор, зовёт.
А Тюпа взобрался на крышу и там ползает, бега-
ет — пугает какую-то пичужку.
Непунька скорее к нему:
«Не упади! Не свались!»
А Тюпа не слушает.

Взяла Непунька Тюпку за шиворот и понесла,
как маленького, с крыши. Тюпа отбивается, упи-
рается, не желает с крыши идти.

Никак не может понять Непунька, что Тюпа
уже не маленький.





ПОЧЕМУ ТЮПА НЕ ЛОВИТ ПТИЦ

Видит Тюпа, недалеко от него сидит воробей и песни поёт-чирикает:

«Чив-чив!

Чив-чив!»

«Тюп-тюп-тюп-тюп, — заговорил Тюпа. — Схвачу! Словлю! Поймаю! Поиграю!» — и пополз к воробью.

Но его воробей сразу заметил — крикнул поворобьиному:

«Чив! Чив! Разбойник ползёт! Вот он где прячется! Вот он где!»

И тут, откуда ни возьмись, со всех сторон налетели воробьи, расселись кто по кустам, кто и прямо на дорожке перед Тюпой.

И начали на Тюпу кричать:

«Чив-чив!

Чив-чив!»

Кричат, галдят, чирикают, ну, никакого терпенья нет.

Испугался Тюпа — такого крику он ни разу не слышал — и ушёл от них поскорее.

А воробьи вдогонку ещё долго кричали.

Наверно, рассказывали друг другу, как Тюпа полз-прятался, хотел их словить и съесть. И какие они, воробьи, храбрые, и как они Тюпку испугали.

Некого Тюпе ловить. Никто в лапы не даётся. Влез Тюпа на деревцо, спрятался в ветках и поглядывает.

Но не охотник добычу увидел, а добыча охотника разыскала.



Видит Тюпа: он не один, на него какие-то птицы смотрят, не пенки-малышки, не крикуны-воробьишки, вот какие — самого Тюпы чуть поменьше. Это, наверно, дрозды искали местечко, где вить гнездо, и увидали какую-то непонятную зверюшку — Тюпку.



Тюпа обрадовался:

«Вот интересно-то! Тюп-тюп-тюп-тюп! Кто это такие? Тюп-тюп-тюп-тюп! Схвачу! Тюп-тюп-тюп-тюп! Словлю! Тюп-тюп-тюп-тюп! Поймаю! Поиграю!»

Только не знает Тюпа, кого первого ловить.

Один дрозд сзади Тюпки сидит, другой перед Тюпкой — вот тут, совсем близко.

Тюпа то сюда, то туда повернётся — тюпает-тюпает. То на одного, то на другого посмотрит.

Отвернулся от одного, кто был сзади, а другой, передний, как налетит на Тюпку да как клюнет его клювом!

Тюпа сразу перестал тюпать.

Он понять не может, что это такое.

Обидели его! Клюнули!

Спрыгнул Тюпа в кусты — и ходу, где бы только спрятаться.

И если теперь Тюпа видит птицу, он никакого внимания на неё не обращает.

Вот почему Тюпа не ловит птиц.

СОРОКА

Кого сорока увидит — стрекочет.

Что плохо лежит — она тут как тут.

Птичье гнездо приметит — яйца расклюёт,
птенцов нелётных съест.

И зверю несладко от сороки: не даёт сорока
укрыться от врагов. Всем рассказывает, где кто
прячется. Кричит:

«Я вижу!

Вижу!

Вот он где!»

Зверь от сороки таится. А сорока от него ни на
шаг. Куда он — туда и она.

Он по полю — сорока над ним стрекочет:

«Я тебя вижу!

Я тебя вижу!

Не беги — догоню,

Не ешь — отниму!»

Вот она какая, сорока!



Ходит тетёрка по полянке, бережёт цыплят.
А они копошатся, разыскивают еду. Летать ещё
не научились, ещё не выросли.
Кто побольше, тот их и обидит.
Увидела сорока-воровка добычу. Притаилась,
подскакивает поближе, поближе.
Хочет пообедать.



«Квох!
Квох! — крикнула
тетёрка. —
Враг близко!»



Глядит, глядит сорока — ни одного цыплёнка
не видит. Нет никого!
Некого хватать!
Некого глотать!
Рассердилась:
«К-как это так!
К-ак это так!»
Тут налетела на неё тетёрка и погнала прочь.



Отогнала.
Вернулась, квохчет:
«Квох!
Квох!
Нет врага близко!»



Все и вылезли, кто
откуда: кто из-под
шишки, кто из-за суч-
ка, кто из ямки, кто из-
за бугорка. Целая ком-
пания из-под пенька.





Улетела сорока от тетёрки, почистилась. И снова поглядывает — слушает. Не идёт ли кто? Нет ли где еды? Нельзя ли у кого чего отнять-отобрать?





Порявкивает медведица. Не слушают её мишки. Балуются. Один по луже бьёт лапами — брызги летят. Мишке это нравится. Другой на калину залез, качается, как на качелях.

Сорока тут как тут и кричит:

«Вижу!

Вижу!

Вы что делаете?»

Сразу медведица замолчала.





А мишки испугались. Глупые, а понимают: пока рычала, ворчала медведица — никакого врага не было. Можно было баловаться. А замолчала — значит, прятаться надо.

Мишка — из лужи, мишка — с калинки, и поскакали в чащу, где погуще, пока сорока от них не отвязалась.





Волчонкам волчица принесла еду.
Каждый еду к себе потянул.
Ворчат-рычат.
А сорока сверху как закричит:
«Я всё вижу!
Отдай!
Я вижу!»

Волки врассыпную, кто куда.

А волчица от сороки не таится. Сорока над ней стрекочет; не понимает сорока, что волчица нарочно не прячется. От волчат её отводит.

Волчонки тем временем вернулись, добычу съели, сороке ничего не оставили.

Рысь ползёт к куропаткам.

А они клюют, кормятся, ничего не замечают.





К ним сорока прилетела. Интересно ей, что эти куры клюют. Шевельнулся кто-то в кустах.

Взлетела сорока на ёлку и видит — подкрадывается к куропаткам зверь.

«Вижу!

Вижу!

Я тебя вижу! Вот он где!»

Куры услышали, на крыло поднялись. Рысь прыгнула, да так никого и не ухватила.

Чует пёс козий след, хочет коз отыскать и словить.

А сорока тут как тут — стрекочет:

«Вот он!

Вот он!»





Услыхали дикие козы
сороку — и ходу! Гнался
за ними пёс — не до-
гнал.

А сорока снова слуша-
ет, выглядывает — нет
ли где еды-добычи?





ПУНЬКА И ПТИЦЫ

Кошки — они охотники. Они любят словить пичужку.

Наш Пуня тоже не прочь поохотиться, но только не дома. Дома он никого не трогает.

Принесли мне как-то в маленькой клетке несколько певчих птиц. Щеглы, канарейки.

«Куда, — думаю, — мне их деть, чего с ними делать?»

Выпустить на волю — на дворе вьюжно-морозно. В клетке — тоже не годится.

Поставил я в уголке ёлку. Закрыв мебель бумажками, чтобы не пачкали, и... сделайте, что хотите. Только не мешайте мне работать.

Щеглы, канарейки вылетели из клетки — и к ёлке.

Копошатся в ёлке, поют! Нравится!

Пришёл Пунька, глядит — интересуется.

«Ну, — думаю, — сейчас надо Пуньку ловить да из комнаты выкинуть».

Непременно начнётся охота.

А Пуньке только ёлка понравилась. Он её понюхал, на птиц и внимания не обратил.

Щеглы, канарейки побаиваются. Не подсакивают близко к Пуньке.

А тому безразлично, есть тут птицы или нет их. Он лёг и спит около ёлки.

Но Пуньку я всё-таки прогнал. Кто его знает. Хоть и не смотрит на птиц, а вдруг невзначай и словит.

Прошло время. Птицы начали вить гнёзда: ищут пушинки разные, нитки из тряпок выдёргивают.

Пунька к ним ходит. Спит у них. Щеглы, канарейки его не боятся: чего его бояться, если он их не ловит.

И так расхрабрились пичужки, что начали у Пуньки тербить шерсть.

Пунька спит. А птицы из него шерсть дёргают.



ЛИСЯТА

У охотника жили в комнате два маленьких лисёнка.

Это были шустрые и беспокойные зверьки.

Днём они спали под кроватью, а к ночи просыпались и поднимали возню — носились по всей комнате до самого утра.

Так разыграются лисята, так расшались, что бегают по моему приятелю, как по полу, пока тот не прикрикнет на них.

Эти лисята были настоящие ловкачи.

Раз! — и по занавеске взберётся лисёнок прямо до самого верха.

Два! — он уже на высоком шкафу.

А вот и на комод, а вот оба таскают друг друга за шиворот.

Как-то пришёл охотник со службы, а лисят нет. Стал он их искать...

Заглянул на шкаф — на шкафу нет.

Отодвинул комод — и там нет никого.

И под стульями нет.

И под кроватью нет.

И тут мой приятель даже испугался. Видит — охотничий сапог, что лежал в углу, шевельнулся, поднялся, свалился набок.

И вдруг поскакал по полу. Так и скачет, перевёртывается, подпрыгивает.

Что за чудо такое?

Подскочил сапог поближе.

Глядит охотник — из сапога хвост высовывается. Схватил он лисёнка за хвост и вытащил из сапога, встряхнул сапог — и другой выскочил.

Вот какие ловкачи!





ТОМКА

У охотника я увидел пёсика.
Он вот какой. Уши длинные, хвост короткий.
Охотник рассказал, какой пёсик понятливый,
как на охоте помогает, и умный-то, и не грязнуля...
От этого пёсика, говорит, есть щенки.
Приходите поглядите. И мы с ним пошли.
Щенки небольшие — только что научились ходить.

«Который-то из них, — думаю, — мне будет помощник на охоте? Как узнать — кто толковый, а кто не годится?»

Вот один щенок — ест да спит. Из него лентяй получится.



Вот злой щенок — сердитый. Рычит и со всеми лезет драться. И его не возьму — не люблю злых.

А вот ещё хуже — он тоже лезет ко всем, только не дерётся, а лижется. У такого и дичь-то могут отнять.

В это время у щенят чешутся зубы, и они любят что-нибудь погрызть. Один щенок грыз деревяшку. Я эту деревяшку отнял и спрятал от него. Почует он её или не почует?

Щенок начал искать. Других щенят всех обнюхал — не у них ли деревяшка. Нет, не нашёл. Ленивый спит, злой рычит, незлой злого лижет — уговаривает не сердиться.

И вот он стал нюхать, нюхать и пошёл к тому месту, куда я её спрятал. Почуял.

Я обрадовался. «Ну, — думаю, — вот это охотник! От такого и дичь не спрячется».

Назвал его Томкой. И стал растить помощника.





КАК ТОМКА НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Мы пошли гулять и взяли с собой Томку.

Сунули его в портфель, чтобы он не устал.

Пришли к озеру, сели на берег и стали кидать камушки в воду — кто дальше бросит. А портфель с Томкой на траву положили. Вот он вылез из портфеля, увидел, как камушек плюхнулся в воду, и побежал.

Бежит Томка по песочку, косолапый, неуклюжий, ноги у него в песке так и заплетаются. Дошёл до воды, сунул лапы в воду и на нас оглядывается.

— Иди, Томка, иди — не бойся, не потонешь!

Полез Томка в воду. Сначала по животик зашёл, потом по шею, а потом и весь окунулся. Только хвост-обрубочек торчит наружу. Повозился, повозился да вдруг как выскочит — и давай кашлять, чихать, отфыркиваться. Видно, он дышать в воде вздумал — вода и попала ему в нос да в рот. Не достал камушка.

Тут мы взяли мячик и кинули его в озеро.

Томка любил играть с мячиком, — это была его любимая игрушка. Шлёпнулся мяч в воду, покрутился и остановился. Лежит на воде, как на гладком полу.

Узнал Томка свою любимую игрушку и не стерпел — побежал в воду. Бежит, повизгивает.

Но теперь носом в воду не суётся.

Шёл, шёл да так и поплыл. Доплыл до мячика, цап его в зубы — и обратно к нам.

Вот так и научился плавать.





ТОМКА ИСПУГАЛСЯ

Когда Томка был совсем ещё небольшим щенком, я взял его с собой на охоту.

Пускай приучается.

Вот ходим мы с ним. Томка за бабочками, за стрекозами гоняется. Кузнечиков ловит. На птиц лает. Только никого поймать не может. Все улетают. Бегал он, бегал — так устал, что сунулся в кочку носом и заснул. Маленький ещё. А будить мне его жалко.

Прошло с полчаса. Прилетел шмель. Бунчит, летает над самым Томкиным ухом.

Проснулся Томка. Покрутился спроне, поглядел: кто это такой спать



мешает? Шмеля он не заметил, а увидел корову и побежал к ней. А корова паслась далеко-далеко и, должно

быть, показалась Томке совсем маленькой, не больше воробушка.

Бежит Томка корову загрызать, хвост кверху поднял — никогда он ещё коров не видал. Подбежал поближе, а корова уж не с воробушка — с кошку ростом кажется. Тут Томка немно- го потише по- бежал, а коро- ва уж не с кошку, а с ко- зу выросла.

Страшно стало Томке. Он близко не подошёл и нюхает: что за зверь такой?

В это время шевельнулась корова — её, наверно, кто-то укусил.

И побежал от неё Томка!

С тех пор он и близко к коровам не подходит.





ТОМКИНЫ СНЫ

Когда Томка спит, он лает во сне, повизгивает, а иной раз и лапками шевелит, будто он бежит куда-то.

Спрашивают у меня ребята:

— Почему это Томка лает? Ведь он же спит!

— Он сны видит, — отвечаю.

— А какие?

— Да, наверно, какие-нибудь свои, собачьи сны, — про охоту, про зверей, про птиц. Человеку таких снов не увидеть.

— Вот интересно-то! — говорят ребята.

Обступили они Томку, глядят, как он спит. А Томка спал, спал и залаял тоненьким голоском.

Я и спрашиваю у ребят:

— Чего же это он во сне видит? Вам понятно?

— Понятно, — говорят ребята. — Это он зайчонка увидел небольшого.



Томка поспал ещё немного и лапками пошевелил.

— Вот, — говорят ребята, — это Томка побежал.

— За кем побежал?

— Да не за кем, а от козы. Он её увидел, а она бодается.

Тут Томка зарычал, залаял.

— Проснись! — закричали ребята. — Проснись, Томка! Ведь он тебя сейчас съест!

— Кто, — спрашиваю, — съест?

— Медведь! Томка с ним подраться хочет. Медведь-то вон какой страшный! Томке с ним не справиться.



КАК ТОМКА НЕ ПОКАЗАЛСЯ ГЛУПЫМ

Томка не любит, когда над ним смеются, — обидится, отвернётся.

А потом он научился делать вид, что не над ним смеются, а над кем-то другим.

Как-то заметил Томка курочку с цыплятами. Идёт поближе — хочет понюхать.

А курочка как закричит, как прыгнет на Томку — и поехала на нём.



Едет, клюёт Томку и кричит.

Так и слышно, как она выговаривает:

«Ах ты, такой-сякой, невоспитанный! Вот я тебя! Вот я тебя! Не смей к цыплятам подходить!»

Томка обиделся, но не захотел показаться смешным и сразу сделал вид, что никто его не клюёт, никто на него не кричит. И тогда курочка соскочила с него и вернулась к цыплятам.

НИКИТА-ДОКТОР

Говорит Никита Томке:

— Ну, Томка, сейчас я буду тебя лечить.

Надел Никита на себя халат из простыни, очки нацепил на нос и взял докторскую трубочку для выслушивания — дудку-игрушку. Потом вышел за дверь и постучался — это доктор пришёл. Потом утёрся полотенцем — это доктор вымыл руки.

Поклонился щенку Томке и говорит:

— Здравствуйте, молодой человек! Вы хвораете, я вижу. Что же у вас болит?

А Томка, конечно, ничего не отвечает, только хвостиком виляет — не умеет говорить.

— Ложитесь, молодой человек, — говорит доктор Никита, — я вас выслушаю.

Доктор повернул Томку кверху пузом, приставил к животу дудочку и слушает.

А Томка хватя его за ухо!

— Ты что кусаешься! — закричал Никита. —
Ведь я же доктор!

Рассердился доктор. Ухватил Томку за лапу и сунул под мышку градусник-карандаш.



А Томка не хочет измерять температуру. Барахтается. Тогда доктор говорит больному:

— Теперь вы откройте рот и скажите: а-а-а. И высуньте язык.

Хотел язык посмотреть. А Томка визжит и язык не высовывает.

— Я пропишу вам лекарство, — говорит доктор Никита, — и научу чистить зубы. Я вижу, что вы, молодой человек, неряха, не любите зубы чистить.

Взял Никита свою зубную щётку и стал чистить у Томки зубы.

А Томка как схватит щётку зубами! Вырвался у доктора из рук, утащил щётку и разгрыз её на мелкие кусочки.

— Ты глупый, Томка! — кричит Никита. —
Ведь совсем не так играют!

Так и не научился Томка играть в больного.



МИШКИ

Принесли охотники из лесу двух медвежат. Несли в шапке-ушанке. Мишки-то были маленькие: не то кутёнки, не то щенки.

Отдали Ивановне — её муж отыскал берлогу.

Принесли медвежат в избу, сунули под лавку, на тулуп. Тут им тепло и не дует.

Ивановна сама сделала соски. Взяла две бутылки, тёплого молочка налила и тряпками заткнула.

Вот и лежат мишки с бутылками. Спят, посасывают молоко, причмокивают и растут понемногу.

Сначала с тулупа не слезали, а потом и по избе стали ползать, ковылять, кататься — всё подальше да подальше.

Благополучно растут мишки, ничего себе.

Только раз медвежонок один чуть не помер с перепугу — кур принесли в избу. Мороз был на дворе такой, что вороны на лету замерзали; вот кур и принесли, чтоб от холода упрятать. А медвежишко выкатился из-под лавки на них посмотреть. Тут петух на него и наскочил. И давай трепать. Да как трепал! И клювом бил, и шпорами.

Медвежишко орёт, не знает, что ему и делать, как спастись. Лапами, как человек, глаза закрывает и орёт. Еле его спасли. Чуть от петуха отняли. На руки взяли, а петух кверху прыгает, как собака какая. Ещё долбануть хочет. Три дня после того не сходил с тулупа





мишка. Думали, уж не подох ли. Да ничего, сошло.

К весне подросли, окрепли мишки. А летом уж куда больше кошки выросли — с маленькую собаку. Такие озорники! То горшки опрокинут, то ухват спрячут, то из подушки перо выпустят. И под ногами всё вертятся, вертятся, мешают хозяйке Ивановне.

Начала она их гнать из избы.

Играйте, мол, на улице. Озоруйте там, сколько влезет. На улице большой беды вам не натворить, а от собак лапами отмашетесь или куда залезете.

Живут медвежата целый день на воле. В лес бегать и не думают.

Им Прасковья Ивановна стала как мать-медведица, а изба — берлогой. Если обидит или напугает их кто-нибудь, они сейчас в избу — и прямо к себе под лавку, на тулуп.

Хозяйка спрашивает:

— Вы что там, озорники, опять наделали?

А они молчат, конечно, сказать не умеют, только друг за друга прячутся да глазами коричневыми хитро посматривают.

Шлёпнет их хорошенько Прасковья Ивановна, знает уж: что-нибудь да натворили. И верно.





Часа не пройдёт — стучатся в окно соседи, жалуются:

— Твои, мол, Ивановна, звери всех цыплят у меня разогнали, по всей деревне собирай их теперь.

— А моя бурёнка не доится! Молоко у неё пропало. Это твои звери-охальники её напугали.

— А у меня овечки в хлев не идут, боятся...

Или ещё что другое.

Взмолится хозяйка:

— Да скоро ли их от меня кто возьмёт! Нету у меня с ними терпенья.

Пришёл я как-то в ту деревню охотиться. Сказали мне, что мишки тут есть. Я и пошёл их поглядеть.

Спрашиваю хозяйку Ивановну:

— Где твои мишки?

— Да на воле, — говорит, — балуются.

Выхожу на двор, смотрю во все углы — нет никого.

И вдруг — ох ты! — у меня перед самым носом кирпич летит. Бац! С крыши свалился.

Отскочил я, гляжу на крышу. Ага! Вон где они сидят!

Сидят два медвежонка, делом заняты: разбирают трубу по кирпичику — отвалят кирпич и спустят его по наклону, по тесовой крыше. Ползёт кирпич вниз и шуршит. А медвежата голову набок наклонят и слушают, как шуршит. Нравится им это. Один медвежонок даже язык высунул от такого удовольствия.

Прогнала их с крыши Прасковья Ивановна и нашла их хорошенько.

А в тот же день вечером пришли к ней соседи и тоже жалуются: мишки у трёх домов трубы разобрали, да мало что разобрали, а ещё и в трубы кирпичей навалили. Стали хозяйки днём печи топить, а дым не идёт куда надо, назад в избу валом валит.

Вот они какие — мишки.





ЗАХОЧЕШЬ ЕСТЬ — ГОВОРИТЬ НАУЧИШЬСЯ

Аня художник и очень любит пичужек. Все это знают и несут к ней разную живность: то галчонка, то сорочонка. Принесли как-то и скворку.

А скворец ещё не настоящий. Он и летать не может, и есть не научился. Крылышки у него растопырки-коротышки. Клюв жёлтый. Он клюв разевает, крылышками разводит и покрикивает — просит положить в клюв еду. А проглотить-то он сам проглотит.

Аня его кормит и приговаривает:

— Кушать! Кушать!

Накормит и пойдёт работать.

Только начнёт — слышит, скворка опять кричит — зовёт. Снова есть хочет.

— Ты злодей, — говорит Аня. — Ты мне работать не даёшь. Мне некогда. Обжора ты! Злодей!

Кормила так Аня скворку, то ласково приговаривала: «Кушать, кушать», то сердилась: «Злодей ты, скворка!»

И скворка научился говорить.

Подошла как-то Аня к нему с кормом.

А скворка сказал:

— Кушать! Кушать!

Вот Аня удивилась!

И с тех пор он по-скворчиному перестал кричать, а как захочет есть — говорит:

— Кушать! Кушать!

И если долго еду не дают, сердится и кричит:

— Злодей! Злодей!

Аня работает у окна, а скворка вертится около. Смотрит, что она делает, то краску клюнет, то карандаш у Ани хочет отобрать — мешает.

Аня открыла окно и говорит:

— Иди погуляй.

Скворка на двор и вылетел.



Аня работает, а сама поглядывает, что он там будет делать.

На дворе много интересного.

Услыхал скворка, кто-то чирикает. Это воробышка воробышку кормит. И он тоже захотел есть.

Прилетел к воробыхе. Крылья растопырил, клюв открыл и говорит:

— Кушать! Кушать!



А воробья его клюнула и улетела.
Видит скворец: соседский кот Валерка идёт. Он к нему.

Скачет перед ним, требует:

— Кушать! Кушать!

А этого Валерку недавно побили за то, что он गया за цыплятами. Он сейчас на птиц и смотреть не хочет.

Тогда подскочил скворка к собаке.

Спит пёс, похрапывает.

Перед ним плошка с едой, а по плошке мухи ходят.

А скворка мух ловить ещё не научился, и еда собачья тоже не годится.

Уселся он у самого собачьего носа и говорит:

— Кушать! Кушать!

Долго пёс не просыпался, а как проснулся — залаял.

Испугался скворка.

Летит от него и кричит:

— Злодей! Злодей!

К Ане приходили соседи, приносили скворке корм.

Удивлялись, что птица говорит.

Вот приходит к ней как-то соседка.

— Где, — говорит, — ваш скворец, я ему вкусенького принесла.

Аня зовёт:

— Ты где? Кушать! Кушать!

Скворца нигде нет.

Начали искать — не нашли.

А было вот как.

Пошёл дождь. Из-под тучки ветер налетел. Скворка в это время ходил по двору. Закрутились щепки да пыль около него. Скворка испугался и полетел. Не домой, не к соседям, не в лес, а сам не знает куда. Опустился он на какую-то тропинку. И, наверно, он совсем бы потерялся, если бы его не нашёл чужой человек.

Шёл по тропинке прохожий. Видит: сидит скворец на дороге и не боится. Совсем близко подпускает.

Прохожий думает: «Словлю его, принесу домой, посажу в клетку, пусть поёт».

А скворец взлетел и к нему на шляпу сел. Прохожий — хватить его рукой и держит.



А скворец-то у него вдруг закричал:

— Ты злодей! Ты злодей!

Испугался прохожий, разжал руку, отпустил скворку.

Пришёл домой, всем рассказывает: вот какие чудеса — птица говорит.

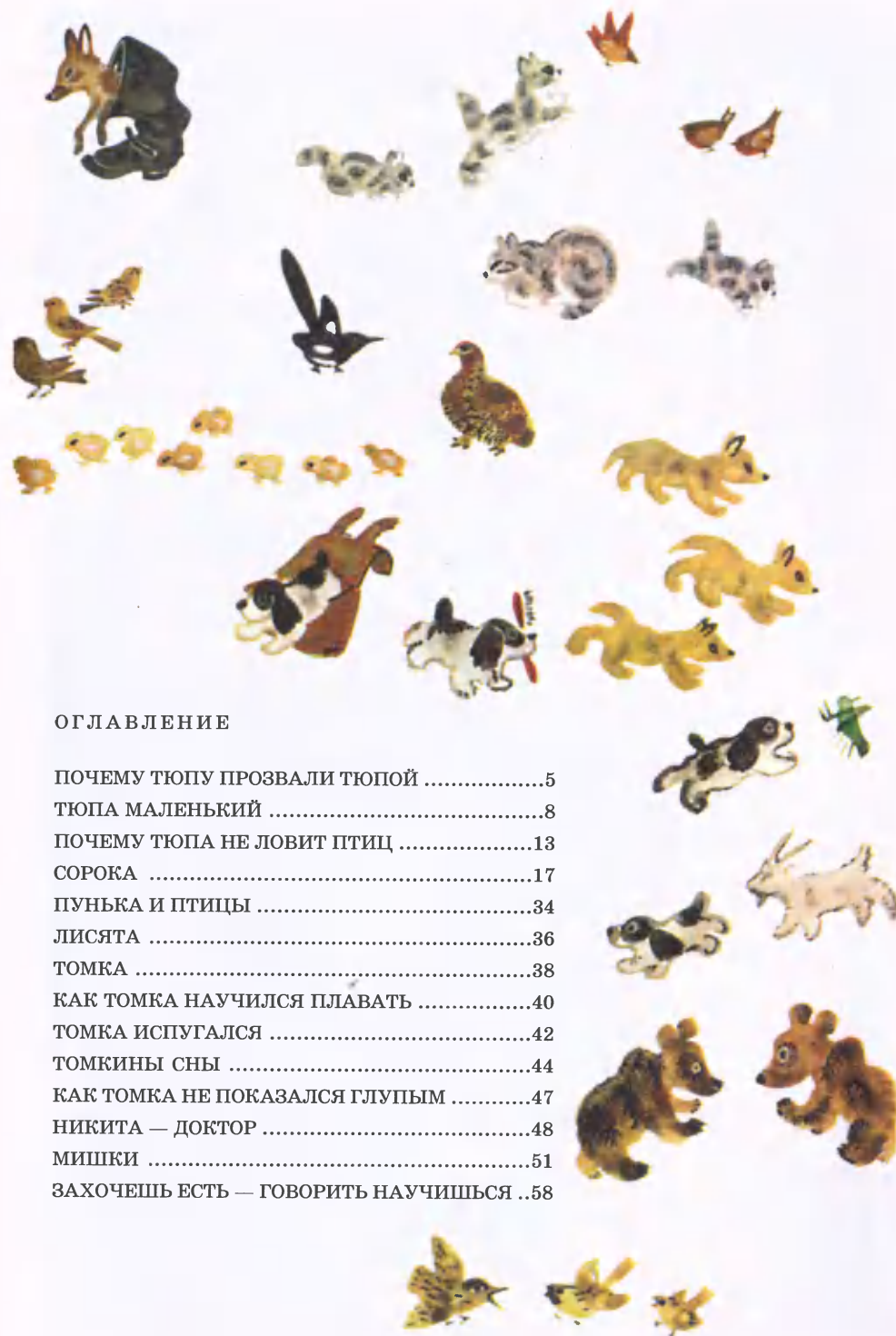
А соседи это услышали, сказали Ане.

И вместе с ней пошли птицу искать.

Скворка, как увидел Аню, прилетел к ней и закричал:

— Ты злодей! Ты злодей!

— Да не «злодей» надо говорить, — сказала Аня, — а «кушать»!



ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЧЕМУ ТЮПУ ПРОЗВАЛИ ТЮПОЙ	5
ТЮПА МАЛЕНЬКИЙ	8
ПОЧЕМУ ТЮПА НЕ ЛОВИТ ПТИЦ	13
СОРОКА	17
ПУНЬКА И ПТИЦЫ	34
ЛИСЯТА	36
ТОМКА	38
КАК ТОМКА НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ	40
ТОМКА ИСПУГАЛСЯ	42
ТОМКИНЫ СНЫ	44
КАК ТОМКА НЕ ПОКАЗАЛСЯ ГЛУПЫМ	47
НИКИТА — ДОКТОР	48
МИШКИ	51
ЗАХОЧЕШЬ ЕСТЬ — ГОВОРИТЬ НАУЧИШЬСЯ ..	58

ББК 84 (2)
Ч 23

© Чарушин Е. И., наследник, текст,
иллюстрации, оформление, 2004
© ООО "Книги "Искателя", 2004

ISBN 5-94743-013-4

Для среднего школьного возраста

ЧАРУШИН Евгений Иванович

ТЮПА, ТОМКА И СОРОКА

Художественный редактор *Н. Ганина*
Компьютерная верстка и обработка иллюстраций *С. Груздов*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.10.2003. Формат 60х90 1/16.
Усл. печ. л. 4. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 10000 экз. Заказ № 2143.

ООО «Книги «Искателя», 103013, Москва, ул. Сущевская, д. 21.
Издательская лицензия ИД № 06095 от 19.10.2001.

Гигиенический сертификат 77.99.02.953.П.000109.01.03 от 30.01.03

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Чебоксарская типография №1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Телефоны для справок:
(095) 285-39-27, 362-6687

ISBN 5-94743-013-4



9 785947 430134

Книги «Искателя»

вы можете заказать по адресу:

127015, Москва,

Новодмитровская улица, 5а.

Наши телефоны:

(095) 285-39-27, 285-66-87